

Лидия Алексеевна ЧАРСКАЯ (настоящая фамилия Чурилова, при рождении Воронова; 19 января 1875, Санкт-Петербург — 18 марта 1937, Ленинград,) — русская детская писательница и актриса.

Родилась в Санкт-Петербурге у прикомандированного к Николаевской Инженерной академии поручика лейб-гвардии егерского полка Алексея Александровича Воронова и Антонины Дмитриевны Крахоткиной.

В своей автобиографической повести «За что?» Лидия Чарская пишет, что её мать Антонина умерла в родах и девочка воспитывалась сёстрами матери. Спустя месяц после того, как Лидии исполнилось 10 лет, в феврале 1885 года Алексей подал прошение, чтобы его дочь приняли на обучение в Павловский институт благородных девиц (ныне Гимназия № 209), куда Лидия поступила спустя год.

В Павловском институте Лидия провела семь лет. Впечатления об институтской жизни стали материалом для её будущих книг. Она с 15-летнего возраста вела дневник,

который частично сохранился и отрывки из которого были изданы как её первая книга «Записки институтки», а уже в десять лет она сочиняла стихи.

В августе 1897 года Лидия подала прошение о приёме на драматические курсы в Императорское Санкт-Петербургское Театральное училище. На третьем курсе, играя в экзаменационных спектаклях в Михайловском театре, впервые начала использовать фамилию-псевдоним Чарская. В сентябре 1900 года была утверждена неклассным художником на действительной службе в Императорских театрах. Окончив курсы, она поступила в Александринский театр, в котором прослужила до 1924 года. С 7 июля 1921 года и вплоть до смерти Лидия жила на улице Разъезжая в доме № 7 в квартире № 11.

ДВА СОЧЕЛЬНИКА (Рождественский рассказ)

У Переверзевых зажигают ёлку постоянно в сочельник.

С тех пор как Диночка Переверзева начала помнить себя, рождественская ёлка у них в семье всегда устраивается в сочельник. И всегда очень торжественно, шумно илюдно. Целый день весь дом готовится к торжественному вечеру.

Диночка, мамуся и папочка украшают ёлку. Ёлка эта бывает непременно огромная, под потолок, и непременно красивая, как и подобает быть красивой, роскошной, пахучей и зелёной волшебнице леса. От неё вкусно-превкусно пахнет хвоей и лесным воздухом, который появляется в натопленных комнатах барских домов раз в год, в сочельник. С утра начинается усиленное передвижение в квартиру Переверзевых из кондитерской, из игрушечного магазина, из фруктовой. Какое-то таинственные свёртки, какие-то картонки и тюрички, мешочки и опять тюрички и картонки извлекаются то и дело из огромнейших корзин проворными руками мамуси, папочки, самой Диночки, мисс Фанни — Диночкиной гувернантки, и старой Астафьевны — Диночкиной няни, которая вынырнула и самою Диночку, и мамусю, и чуть ли не мамусину маму.

К восьми часам всё уже готово: ёлка сияет, сверкает, блестит и благоухает в ожидании гостей, которые съезжаются в восемь. И тут-то начинается настоящее торжество.

В этот сочельник Диночка уже «почти взрослая». Ей четырнадцать лет. Вся она хрупкая, как веточка, тоненькая и беленькая, как снежная королева. Папочка так и называет свою беленькую большую девочку — Снежной королевой. А мама всякий раз, как Диночка возвращается из гимназии с мисс Фанни, говорит, целуя её:

— Не нравится мне, что ты такая бледная, Динуша. Малокровие это, лечиться надо.

И Диночка лечится: усердно принимает рыбий жир, пилюли, мясной сок и ещё какие-то целебные порошки в облачках.

Но в сочельник Диночка неузнаваема. Щёки её покраснелись, лицо оживлено сияющей улыбкой, синие глаза горят. Ну, совсем как вишенка и ничуть не «снежная королева».

Нынче съехалась пропасть гостей, гораздо больше, нежели в предыдущие годы. Ещё бы! До сих пор все они были маленькие: и сама Диночка, Вава Зноева, и Саша Майкова, и Мери Щербет, и Воля с Максом, и братья Гронверские, и вся эта зелёная молодёжь, что наполняет сейчас гостиную Переверзевых, посреди которой высится огромная ёлка.

Какая она прелесть, эта ёлка! Сколько роскошных вещей навешано на её зелёных ветвях! Как красиво сверкают в лучах бесчисленных электрических лампочек все эти чудесные безделушки!

Но странно! Собравшиеся юные гости и их молоденькая хозяйка так мало интересуются в этом году ёлкой. Все они

важно расселись по креслам и диванам, как взрослые молодые люди в ожидании танцев, и ведут «взрослую же», «всамделишную» беседу.

— Вы слышали Шаляпина? — немножко картавя и явно подражая своему старшему брату, кавалерийскому юнкеру, осведомляется тринадцатилетний папчик, Воля Шестаков.

— Ах, какая прелесть! Как он хорош! Я его слышала в «Фаусте» — лепечет Мери Щербет. — А вы, Диночка, слышали его?

Диночка краснеет до ушей от стыда и обиды. Точно она маленькая! Не слышать Шаляпина, когда все её гости слышали его! И почему это мамуся и папочка не берут её в театр?

Она старается пробурчать что-то в ответ этой несносной Мери, вся малиновая, как вишня, но неожиданно взор её падает на двоих детей, одетых скромно, почти бедно, стоящих в уголку залы и с восторгом взирающих на пышно убранную ель.

Ещё ярче вспыхивают щёки Диночки при виде этих бедно одетых ребяткишек, детей папочкиного секретаря, незаметного, очень бедного человека, которого почему-то, однако, особенно ценит и уважает папочка.

Диночка чувствует какую-то неловкость перед своими нарядами сверстниками и сверстницами от присутствия этих двух «замарашек» на её блестящем вечере в рождественский сочельник. А тут ещё Макс Весенцев, изысканный юный праведник в ослепительно белых перчатках, во франтоватых манжетах и воротничке, вскидывает пенсне на нос и, глядя на неприятных Диночке гостей, цедит сквозь зубы:

— Что сие за явление? Откуда такие прелести?

Диночка уничтожена вконец. Противный Макс! Недостает ещё, чтобы он принял этих детей за настоящих гостей её, Диночки. Куда как приятно! Между тем «прелести» и не думают смущаться. И братишка, и сестрёнка — в восторге от ёлки оба. Ваня и Нюта ничего подобного не видели ещё за свою коротенькую жизнь. Дома у них бедность, нужда, недостаток. О ёлке, конечно, и помина нет. Спасибо ещё доброму папиному начальнику, что позвал их сегодня к себе на ёлку... Уж и ёлка же! Ёлка словно в сказке! Во сне такой не увидишь, пожалуй! Ваня и Нюта ошеломлены. Глазёнки их горят. Руки сами собой тянутся к нарядному, очаровательно красивому деревцу. И дети, забывшись, громко делятся впечатлениями друг с другом.

— Ваня, ты погляди! Огоньков-то сколько, жёлтые, синие, красные, голубые! — восторженно лепечет Нюта.

— А папц-то, папц, ишь, какой забавный! — указывая пальцем на красивую, висящую на ближайшей к нему ветке безделушку, вторит ей, тоже захлебываясь от восторга, Ваня.

— А пряник-то какой огромный, видишь? И мишка, гляди, мишка! Со всем как живой!

О, это уже слишком, по мнению Диночки. Она вся как на иголках...

— Точно дети с улицы! Никакого воспитания — ну, решительно, никакого! Просто стыд и срам!

И она украдкой обводит глазами своих гостей.

Какие у тех насмешливые лица и улыбочки! Ах, зачем только папочка позвал таких невоспитанных детей! Что о них, Переверзевых, будут думать их «настоящие» гости! Какое общество увидят они здесь!

До ушей Диночки долетает насмешливая фраза Мери Щербет, ужасной аристократки:

— Ма чере, откуда вы раздобыли этих дикарей?

— О, они попали сюда прямо с необитаемого острова! — острит Макс.

— Милая непосредственность! Она очаровательна! — смеется Саша Майкова. И непонятно: добродушие или насмешка таится в этом смехе у неё.

Неожиданно Воля (ох уж этот ужасный Воля!) прибавляет, обращаясь к Диночке:

— Вы давно дружите с этими детьми? В прошлом году я их что-то здесь не видел.

О, это уже чересчур!

Красная, как пион, Диночка срывается с места, бросается к ёлке, не глядя срывает с неё две первые попавшиеся бомбоньерки и суёт их в руки Ване и Нюте.

— Вот-вот... — лепечет она с опущенными ресницами и рдеющими щеками, — возьмите это себе на память с нашей ёлки и идите домой. Сейчас начнутся танцы, а вы всё равно не умеете танцевать!

И так же быстро возвращается к кружку молодёжи.

Ещё год промчался в жизни Диночки. Тяжёлый, печальный год.

Папочкины дела пошатнулись. Пришлось «сократиться» во всем ещё недавно богатой, ни в чем не отказывающей себе семье. Из огромной квартиры Переверзевы переехали в маленькую. Отпустили мисс Фанни и отказали всему штату прислуги. Осталась няня Астафьевна, как непреманный член семьи, да кухарка Матреша, служившая раньше у них судомойкой на кухне, при поваре.

Но беда никогда не приходит одна. В довершение всего заболела Диночка. Заболела как-то странно. Слабость, бледность, вялость и полная апатия при полнейшем отсутствии какой бы то ни было боли приковывают теперь подолгу к кушетке Диночку.

Теперь она уже настоящая «снежная королева!» Личико у неё, как у Снегурочки, и маленькое-премаленькое, с кулачок! А глаза огромные, как сливы. И горят так ярко лихорадочным, нездоровым огнём.

Мамуся без слёз не может смотреть на это бледное личико, а папочка только хмурится и молчит.

И Диночка молчит... Кутается в пла-

ток, мучимая лихорадкой и мечтой о том, как было бы хорошо, если бы она сделалась здоровой!

Опять сочельник...

Но как мало похож он на тот, прошлогодний! Бледная Диночка лежит на диване. Маленькая, скромная ёлка стоит перед ней на столе. И большая тоска холодит сердечко бедной «снежной королевы».

Сегодня сочельник. Но где же та радость, которая всегда поджидала обыкновенно Диночку в этот торжественный день? Где великолепная ёлка, блестящий вечер, нарядное общество её юных друзей; где они, эти её друзья, с такой охотой приезжавшие к ним в прошлые годы? Никто из юных сверстников и сверстниц не заглянул к Диночке с тех пор, как Диночка больна, а родители её переменили свою прежнюю большую и роскошную квартиру на теперешнюю скромную и маленькую, где нельзя уже делать ни танцевальных вечеринок, ни роскошной ёлки...

Никто не пришёл поздравить сегодня больную Диночку: ни Саша, ни Макс, ни Воля, ни Мери Щербет... А тогда, бывало... Или они боятся стеснить обедневшую семью? Ах, разве может стеснять участие, выражение дружбы и привязанности!

Слёзы жгут Диночкино горло, но она крепится, стараясь скрыть их от папочки и мамуси. Зачем расстраивать их и без того измученные сердца? И без того велико их горе...

Няня Астафьевна просовывает в дверь свою благообразную седую голову, повязанную неизменным старушечьим платочком.

— Там... пришли к тебе, Диночка. Хочешь повидать? — шепчет она своей воспитаннице и, не дождавись ответа больной, широко распахивает двери. На пороге комнаты стоят смущенные и улыбающиеся Нюта и Ваня, дети давно ушедшего от папочки его секретаря. Их милые свежие рожки смущенно улыбаются Диночке.

Потом оба они нерешительно приближаются к больной. Ваня протягивает ей какой-то сверток.

— С праздником, — говорит он, забавно шепелявя, — вот поздравить пришли. Принесли пряничков и пастилки. Папа наш праздничные получил, нам на гостинчики дал... Кушай на здоровье!..

А Нюта с важностью взрослой объясняет Диночке:

— И дров купили к празднику, и гуся... А Ване сапоги... Старые-то до дыры сносились... С ног валяются... Так что у нас теперь много полегче будет! Куда легче теперь! Праздничную награду получил нынче наш папа на службе, целых двадцать пять рублей!

Диночка слушает, глядит на детей и маленькое сердечко её шумно бьёт тревогу. Затем она быстро заглядывает в ясные, доверчивые глазки Вани, берёт него свёрток из рук и, прижимая корбочку к груди, падает лицом в подушку... И тихо, беззвучно плачет...